

УДК 811

DOI: 10.29039/2413-1679-2024-10-2-175-183

**«ПИШУ ТЕБЕ, МИЛАЯ СОНЯ»:
О НЕКОТОРЫХ ПРАГМАТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ
ПИСЕМ Л. Н. ТОЛСТОГО ЖЕНЕ**

Токарев Г. В.

*ФГБОУ ВО «Тульский государственный
педагогический университет им. Л. Н. Толстого»
Тула, Российская Федерация
E-mail: grig72@mail.ru*

Статья посвящена рассмотрению коммуникативно-прагматических тактик, используемых в письмах Л. Н. Толстого к С. А. Толстой за 1862–1864 и 1909–1910 годы, и объективации представлений о себе и об адресанте в эволюционном аспекте. Для достижения поставленной цели используются методы концептуального и прагматического анализа текстов. Особое внимание уделено двум первым и последним письмам. Выявлено, что первое письмо-признание в любви имеет форму рассуждения, ему присущ объяснительно-извинительный характер. Письмо отражает влияние сентиментального нарратива при сохранении аргументативной композиции. В этих и последующих письмах используются стратегии директивы, заботы, беспокойства, открытого признания в своих чувствах, одобрения действия адресата, негативной оценки третьих лиц, инклюзии. В целях их реализации Толстой формирует камерный символярный, помогающий ему концентрированно воплощать целеустановки. В первых письмах Толстой надевает маски никем не понятого, одинокого, стареющего человека. Письма выражают представления об адресанте как о человеке чувственном, импульсивном, но вместе с тем осторожном. Софья Андреевна для него пока только юный, ничем не испорченный человек. После свадьбы представления о Софье Андреевне конкретизируются. В письмах последних лет Толстой воплощает знания о себе как о старике, как о жертве истеричной жены, не способной что-либо исправить, как любящем муже, как о человеке, думающем о духовном. Представления об адресате идентифицируют Софью Андреевну как честную жену, мать, человека с расшатанными нервами, фокусирующегося на материальном.

Ключевые слова: бытовое письмо, коммуникативно-прагматическая тактика, адресат, адресант, Л. Н. Толстой

ВВЕДЕНИЕ

Исследование бытового письма позволяет решать комплекс задач, стоящих в настоящее время перед современной лингвистикой. О. П. Фесенко отмечает: «В последние десятилетия лингвистическая наука обратила свой взгляд на эпистолярные тексты. Письма стали объектом многоаспектного изучения: исследователи анализируют жанрово-стилевую специфику эпистолярия, структуру писем, особенности функционирования в эпистолярных текстах языковых единиц разного уровня и т. д.» [5, с. 132]. Локутивный аспект письма отражает повседневный контекст, на основе которого могут быть сделаны выводы о лингвокультурной составляющей текста [3], объективирует механизмы кодирования смысла, иллюкутивный и перлокутивный планы позволяют получить разнообразные наблюдения, касающиеся языковых личностей адресанта и адресата, их картины мира, включающей в себя сложную мозаику мыслей и чувств.

Благодатным эмпирическим полем для решения этих и других задач является эпистолярный Л. Н. Толстого. Толстой трепетно относится к переписке, имел широкий круг адресатов, с некоторыми из которых переписывался в течение всей жизни, что

позволяет вывить изменения в прагматиконе и тезаурусе участников коммуникации. Полное собрание сочинений включает в себя тридцать томов писем, из которых два содержат переписку Льва Николаевича с женой. За сорок восемь лет совместной жизни Толстым было написано восемьсот тридцать девять писем Софье Андреевне. В предисловии к 83-му тому отмечается, что «письма Толстого не распределяются равномерно по годам. Есть год, когда Толстой не написал С. А. Толстой ни одного письма (1873), на 1875 г. падает всего одно письмо. Самый продуктивный год – 1885, когда Толстой отправил С. А. Толстой 58 писем и телеграмм. Количество писем Толстого обуславливалось числом и продолжительностью отлучек Толстого, когда семья жила с ним врозь» [1, с. 7]. Между тем эпистолярный Л. Н. Толстого изучен фрагментарно, что обуславливает актуальность нашего исследования.

Целью данной статьи является экспликация представлений о себе и об адресанте в эволюционном аспекте в письмах Л. Н. Толстого к С. А. Толстой за 1862–1864 и 1909–1910 годы. Поставленная цель осуществляется путём применения методов концептуального и прагматического анализа текстов.

Письма близким людям представляют собой жанр личного дискурса, в котором могут находить воплощение различные типы знания в зависимости от явных и скрытых интенций пишущего.

К основным типам знаний, которые могут быть отражены в письме, мы относим:

- 1) представления адресанта о себе;
- 2) представления адресанта о действительности;
- 3) представления адресанта об адресате.

В работе К. В. Усановой эти аспекты письма предлагается определять как ценности.

Письмо всегда имеет целеустановку, которая отражается в коммуникативно-прагматической стратегии, реализованной в частных коммуникативно-прагматических тактиках. Объективация прагматических интенций заключается в структурировании текста и отборе языковых средств.

Как показывает анализ содержания писем, в самом общем виде письма могут носить фактуальный и эмоциональный характер. Первые направлены на сообщение какой-либо информации, вторые – служат передаче настроения пишущего. Однако предложенная дифференциация писем, конечно, условна, поскольку они воплощают сложное переплетение коммуникативно-прагматических установок.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Переписка Льва Николаевича с Софьей Андреевной начинается ещё до брака. В своём первом, неотправленном, но показанном ей уже после свадьбы письме, написанном 9 сентября 1862 года, Толстой пытается признаться в любви. Явной целью письма, обозначенной пишущим, является объяснение Софье Андреевне своего отношения к ней, описание чувств, которые испытывает к адресату пишущий. Письмо имеет структуру разъяснения, что отражает подготовленность, чёткость, продуманность. Толстой начинает с тезиса, который можно сформулировать как «Я не испытываю чувств к вашей старшей сестре Лизе», далее приводит аргументы, используя слово «разъяснение». Завершается письмо косвенным признанием в любви, скрытым предложением руки и сердца. Текст отражает выражение чувств пишущего: сделан акцент на объективации представлений о себе и об адресате.

Толстой показывает себя как рефлексирующего человека: «*Мне стыдно и больно...*» [1, с. 3], он ощущает свою вину, считает себя непорядочным: «*...я Вас втянул в фальшь...*» [1, с. 3]. Полагает, что его не понимают люди: «*...ложный взгляд вашего семейства на меня...*» [1, с. 3]. Видит себя старым и непривлекательным: «*...я ... старый и необычайно непривлекательный чорт*» [1, с. 3]. Говоря о разнице возраста с адресатом, Толстой подталкивает Софью Андреевну к осознанию и принятию этого, к выражению к данному факту положительного отношения. Толстой намеренно использует алогизмы, в частности указание на разницу в возрасте и невозможность счастья, провоцируя тем самым возражения, показывая адресату возможные минусы дальнейших отношений: «*...ваша молодость напоминает мне слишком живо мою старость и невозможность счастья...*» [1, с. 3]. Считает, что «*должен один упорно и серьёзно работать...*» [1, с. 3]. В выражении самоидентификационной стратегии Толстой опирается на образ Дуплицкого, одного из главных героев повести С. А. Толстой, непривлекательного, уже не молодого человека, не определившегося в своих чувствах к старшей и средней сестрам. Тем самым пишущий демонстрирует свою идентичность с адресатом, общность знакового кода, а значит, и интерес к Софье Андреевне. Эту тактику Толстой будет использовать и в последующих письмах, формируя некий семейный символярный. Ср: «*...я ужинал сидя перед столом на том самом месте, на котором ты меня ждала...*» [1, с. 93]. Апелляция к таким знакам позволяет Толстому выдерживать доверительную тональность, предавать в концентрированном виде свои чувства. Следует заметить, что, используя данные характеризующие речевые тактики, Толстой провоцирует адресата на выраженную реакцию, старается вызвать жалость к себе. Скрытой интенцией данного письма является ожидание эмоциональной реакции от Софьи Андреевны. Толстой апеллирует к фоновым знаниям о желательности сватовства за старшую сестру Софьи Андреевны – Елизавету, демонстрирует своё представление о заключении брака на основе любви, ожидает признания от адресата: «*...жениться на женщине так, потому что надо же жену – я не могу. Я требую ужасного, – невозможного от женитьбы. Я требую, чтобы меня любили также, как я могу любить...*» [1, с. 3]. Вместе с тем Толстой использует тактику шантажа и угроз: «*я перестану ездить к вам...*» [1, с. 3].

Письмо отражает представления об адресате. Лев Николаевич относится к Софье Андреевне с большим уважением, обращается к ней по имени-отчеству. Считает её очень тонким, чувствительным, честным человеком: «*...фальшь, которой Вы не можете переносить...*», «*...вы честный человек, с вами лгать нельзя...*», относится к ней как к ребёнку, имея в виду её искренность: «*...как смотришь на детей, которых любишь...*» [1, с. 3]. Таким образом, Толстой облёк своё первое письмо-признание в любви в форму рассуждения, придав ему объясняюще-извинительный характер, и ожидающее от адресата явной реакции на завуалированное предложение. Письмо отражает влияние сентиментального нарратива при сохранении аргументативной композиции.

Вторая редакция этого письма, которое было отправлено, характеризуется большим эмоциональным индексом. Оно начинается с экспрессивного вступления: «*Мне становится невыносимо. Три недели я каждый день говорю: нынче всё скажу,*

и уйду с той же тоской, раскаянием, страхом и счастьем в душе. И каждую ночь, как и теперь, я перебираю прошлое, мучаюсь и говорю: зачем я не сказал...» (14 сентября 1862) [1, с. 16].

В письме большое внимание уделено описанию эмоционального состояния пишущего, тем самым отражается стратегия эгоцентричности. Толстой более чётко идентифицирует себя с Дублицким. Ср.: в первом письме: *узнал себя Дублицким* и во втором письме: *мне, Дублицкому...* Пишущий не желает вуалировать свои намерения: *Но я тогда, и после я лгал перед собой.* [1, с. 17].

Толстой ощущает неловкость своего положения, которое сложилось из-за ожиданий семьи Берс, неопределённости поведения Льва Николаевича, повести, написанной Софьей Андреевной, но разрешить эту непростую ситуацию он просит адресата: *«...скажите, что мне делать...»* [1, с. 17].

Толстой делает предложение Софье Андреевне, но не в обычной, императивно-просительной форме, а в форме вопроса: *«Скажите, как честный человек, – хотите ли вы быть моей женой?»* [1, с. 17]. С одной стороны, эта форма может быть оценена как более мягкая, чем традиционная (ср.: *будьте моей женой*, с другой – как более настойчивая, с учётом дальнейшей фразы, по сути, обязывающей адресата принять условия пишущего: *«Мне страшно будет услышать нет, но я его предвижу и найду в себе силы снести, но ежели никогда мужем я не буду любимым так, как я люблю, это будет ужасней»* [1, с. 17]. Тем самым, используя скрытую директивную тактику, Толстой ожидает ответного чувства той же силы, что и его собственное.

Письма последующих лет преимущественно носят фактуальный характер, в них освещаются события повседневной жизни. Но тем не менее основные прагматические координаты: представления адресанта о себе, об адресате, коммуникативно-прагматические цели и установки, средства эмпатии – находят полное отражение и в сообщениях этого характера. Обобщим представления адресанта о себе в письмах этого периода. Толстой нередко ощущает свою вину по отношению к своей жене, считает, что нередко поддаётся сиюминутным страстям и обижает Софью Андреевну, однако списывает это не на проявление подлинных чувств к супруге, а на свой характер: *«...Соня, прости меня, я теперь только знаю, что я виноват и как я виноват. Бывают дни, когда живешь как будто не нашей волей, а подчиняешься какому-то внешнему непреодолимому закону»* (3–16 августа 1863) [1, с. 19], *«...я думал всегда, что у меня много недостатков... во мне есть отличный человек, который иногда спит. Ты его люби и не укоряй...»* [1, с. 19]. *«Я был груб и жесток и к кому же? К одному существу, которое дало мне лучшее счастье жизни и которое одно любит меня»* [1, с. 19]. Он считает себя любящим мужем: *«...стало грустно о тебе ... и нашёл страх, что я тебя оставил...»* (22 апреля 1864) [1, с. 28]. Подсмеивается над собой. Так, письма нередко подписывает прозвищем, данным ему братьями Берс: Левендуполо.

Представления об адресате воплощены прежде всего в обращениях. Лев Николаевич называет жену милой, душой, милым другом, голубушкой душенькой, милой, душечкой, милым другом, милой моей голубушкой, голубчиком, что выражает положительное, доверительное, ласковое отношение. *«В этот раз я чувствую, как ты мне ещё много ближе стала»* (9 августа 1864) [1, с. 41].

Чувственны, нежны формулы прощания: *«Целую тебя в глаза и во всю. Целую тебя и твои руки»*. Свои чувства к жене он считает слишком интимными, он стесняется третьих лиц, которые становятся их невольными свидетелями. В период, когда у него была травмирована рука и письма записывались со слов, Толстой писал жене, что не может передать всех чувств, которые он переживает: *«Воздерживаюсь от разных вещей, которые хотел бы написать о тебе самой и детях, оттого что эти вещи надо самому говорить и писать, а диктовать неловко»* (29 ноября 1864) [1, с. 65].

Толстой считает жену своим помощником. Доверяет ей ведение всех дел: *«Скажи Ивану Ивановичу, чтоб он приказал лошадей в конюшне убирать хоть Кондратию. Ещё скажи ему, чтобы лучшую землю (самую навозную) ... он бы не засеивал, а оставил под пшеницу... Ещё скажи, чтоб он посмотрел семенной клевер...»*. [1, с. 41]. Советуется с ней в сложных вопросах: *«Чулков – отсюда 20 верст, продаёт 6 борзых и 5 гончих, и отличных собак. Но я не решаюсь. Как ты скажешь?»* (11 августа 1864) [1, с. 45].

Толстой всячески пытается расположить к себе адресата, старается сформировать у него мнение о том, что он близкий, любящий человек. Данная стратегия проявляется в тактиках заботы, беспокойства о Софье Андреевне: *«Ежели ты вполне хорошо себя чувствуешь, то поезжай само в Тулу и оденься потеплее – ветер пронзительный. О лошадях я распорядился. Прими в соображение, что погода к вечеру будет хуже»*. (1863 ноябрь) [1, с. 23]. *«Одно, что утешает меня, это то, что по всему тону письма твоего видно, ты не в духе, и я утешаю себя мыслью, что ты сама себе преувеличиваешь и потому невольно мне»*. (2 декабря 1864) [1, с. 72]. *«Начал писать тебе не в духе, а кончаю совсем другим человеком. Душа моя милая. Только ты меня люби, как я тебя, и все мне ни почём, и всё прекрасно»*. (7 декабря 1864) [1, с. 87]. *«Всё кажется, что в эту длинную разлуку с тобой что-нибудь случится. И приходят такие мысли, в которых и тебе совестно признаться»* (7 декабря 1864) [1, с. 88].

Он говорит о заинтересованности в переписке, в диалоге, ему интересно мнение адресанта: *«Я прошу не сидеть, а ходить, для того что иначе (я имею дерзость думать) тебе будет грустнее без меня. – Ещё я буду писать тебе каждый день, как нынче ... также и ты пиши, пожалуйста»* (22 апреля 1864) [1, с. 29]. *«Я ужасно наслаждался, читая все письма. И читал с тобой. Читай и ты со мной»* [1, с. 18]. *«Ежели что дурно, телеграфируй пожалуйста, и телеграфируй до тех пор, пока не будет лучше»* (24 ноября 1864) [1, с. 51].

Толстой избирает тактики открытого признания в своих чувствах и положительной оценки: *«... я вспоминаю о тебе, и все мне хочется сказать тебе то, что я никому, кроме тебя, не могу сказать...»* (9 августа 1864) [1, с. 38]. *«А я-то тебя как люблю! Голубчик, милый. Я хотел, было совестно и притом нужно, а удовольствия без тебя для меня быть не может, кроме охоты»* [1, с. 40].

Ещё одной тактикой является одобрение действия адресата: *«Твоё хозяйство отлично. Всё, что сделала, хорошо»* [1, с. 90].

Для подтверждения духовной близости между мужем и женой нередко используется тактика негативной оценки третьих лиц. Так, Толстой в

пренебрежительном тоне пишет о старшей сестре Софьи Андреевны Елизавете: *«Право, что за человек эта Лиза! Я ехал к Москве с мыслью, что за глупость, что Лиза, умная, молодая, здоровая девушка, сестра жены, и я от неё кроме неприятного чувства ничего не имею. Не я ли виноват в этом? Постараюсь в этот раз быть с ней как можно проще. Ну, и можешь себе представить, не прошло двух дней, и она уже тяжела, и я рад, как отделаюсь от нея»* (14 ноября 1866) [1, с. 122].

В ходе объективации представлений об адресате Толстой использует тактику его прямой оценки: *«Как ты мила, что поняла моё чувство, отдавая рукопись. Вот такие черты для меня самые главные и лучшие доказательства твоей хорошей любви ко мне. Любовь Александровна нынче говорит с своей грубоватой простотой, что как только ты приедешь домой, так Соня забеременит, несмотря на то, что кормит. Это будет очень грустно, но я боюсь, что это будет правда. Так страстно я желаю тебя видеть. – Вижу твоё лицо, как ты скажешь – гадости и т.д.»* (7 декабря 1864) [1, с. 88]. *«Я и люблю, и не люблю, когда ты подражаешь ей. Я желал бы, чтоб ты была такая же существенно хорошая, как она; но хочется, чтоб ты была (как оно и есть) более тонкой работы и с большими умственными интересами. Оно так и есть»* (11 декабря 1864) [1, с. 91]. В Софье Андреевне он выделяет прежде всего её внутренние качества, тонкую организацию и интеллект.

Через 45 лет тон письма Л. Н. Толстого жене в целом не меняется. Уходит озорство, однако индекс экспрессии не снижается. Толстой отказывается от многих коммуникативно-прагматических тактик, демонстрирующих позитивное отношение к адресату. Выбор языковых средств формирует спокойную, позитивную, заинтересованную тональность. Письма отражают полную ориентированность на интересы собеседника.

Основная интенция писем – успокоить адресата, продемонстрировать искреннюю заботу и заинтересованность: *«Пишу тебе, милая Соня, в 11 часов вечера... Как ты? Главное – твоё здоровье»* (15 марта 1909) [2, с. 385]. *«Вот и пишу тебе, милая Соня, чтоб ты не беспокоилась»* (17 июня 1909) [2, с. 385]. *«Хорошо бы, если бы ты была здорова, не устала слишком и переделала все дела успешно»* (31 января 1910). Сообщает адресату, что постоянно думает о нём: *«Не переставая думаю о тебе»* (29 августа 1910) [2, с. 401]. *«Не переставая думаю о тебе и чувствую тебя, несмотря на расстояние»* (1 сентября 1910) [2, с. 401]. Пишущий тревожится об адресате: *«Что до меня касается, то если бы не тревожные мысли о тебе, которые не покидают меня, я бы был совсем доволен»* (1 сентября 1910) [2, с. 401].

Как известно, к концу жизни мировоззрение Льва Николаевича существенно изменилось, что не могло не найти своего отражения в письмах. Толстой фокусируется на душевном состоянии адресата, это выделяет как главное: *«Не могу не советовать тебе как можно меньше приписывать важности хозяйству»* (21 июня 1909) [2, с. 387]. Он также использует тактику инклюзии, прося писать ему: *«Ожидая от тебя письма, милая Соня, а пока пишу, чтоб известить тебя о себе и поговорить с тобой»* (19 июня 1910) [2, с. 395]. Отмечает, что позитивное душевное состояние адресата тождественно состоянию пишущего: *«Как хорошо бы было и тебе, и мне. Пишу то, что чувствую...»* (29 августа 1910) [2, с. 401]. В завершениях писем используются формульные выражения, включающие интимные

перформативы: «целую тебя и с любовью помню тебя» (21 июня 1909) [2, с. 387], эпитеты, выражающие положительную оценку, лёгкую, добрую иронию, симпатию: «Прощай, милая, старая жена. Целую тебя». (14 июня 1910) [2, с. 393]. «Твой любящий муж» (29 августа 1910) [2, с. 401].

Предпоследнее письмо, написанное 28 октября 1910 года, начинается с введения в фокус интересов адресата, пишущий беспокоится о его эмоциональном состоянии: «Отъезд мой огорчит тебя. Сожалею об этом, но пойми и поверь, что я не мог поступить иначе» [2, с. 404]. Интересно, что Толстой использует ту же конструкцию, что и 48 лет назад: «Положение моё в доме становится, стало невыносимым» [2, с. 404]. Ср.: Мне становится невыносимо (в первом письме). Пытается объяснить своё решение, просит не ездить за ним, поскольку это «ухудшит твоё и моё положение». Благодарит за совместную жизнь, указывает на количество прожитых лет, подчёркивая их значительность, и даёт оценку эпитетом *честный*: «Благодарю тебя за твою честную 48-летнюю жизнь со мной» [2, с. 404], просит прощения и сам прощает. Тон данного письма можно охарактеризовать как сдержанный, оно не содержит привычных ласковых обращений и сухо подписано «Лев Толстой». Цель данного письма можно охарактеризовать как информирующе-просительную. Толстой не сообщает о своём уходе и использует лексику, выражающую различные оттенки просьбы: «...пожалуйста, пойми, не ездь, советую помириться...». Письмо отражает представления о пишущем как престарелом, уставшем от жизни человеке, ищущем спокойствия и одиночества. С женой Толстой связывает представления как о верной, честной подруге, отдавшей себя семье, но способной в данный момент пойти вопреки намерениям мужа, помешать ему жить в уединении.

Последнее письмо, написанное в той же тональности 30–31 октября из Шамордина, содержит более категоричные возражения. Толстой написал его дважды: сохранились два варианта. Первый, неотправленный, меньше по объёму. Толстой как бы защищается от нападений жены. Возвращение в Ясную Поляну Толстой сравнивает с самоубийством, пишет о невозможности свидания в данный момент, полном прекращении общения: «Сношения между нами считаю нужным прервать на время совершенно» [2, с. 406]. В этом письме Толстой в качестве своего ухода называет причину невозможности выносить характер жены: «...если точно жизнь твоя изменится и я найду возможным жить с тобой, вернусь...» [2, с. 406]. При этом Толстой использует средства эмпатии. Он предупреждает адресата об обоюдной нежелательности общения: «...свидание и возвращение моё ни на что не нужно и может быть только вредно тебе и мне», использует тактику кооперации: «От всей души жалею тебя. И себя за то, что не могу помочь тебе» [2, с. 406].

Отправленный вариант письма характеризуется более подробным освещением причины ухода – прямым, подробным описанием психического состояния Софьи Андреевны: «...возбуждённости, раздражения, болезненного состояния...», «...попытки самоубийства...», «...потери власти над собой...». Толстой призывает жену «умиротворить душу». Именно это становится причиной ухода Толстого. Тем самым, в письме Толстой выражает представления об адресате как человеке с расшатанными нервами, неспособном контролировать своё поведение, делающем невозможным совместную жизнь. Безусловно, эти строки могли иметь следствием

обида адресата. Призывая жену, не искать его, Толстой пишет о своих чувствах к ней: *«Не думай, что я уехал потому, что не люблю тебя. Я люблю тебя и жалею от всей души, но не могу поступить иначе, чем поступаю»* [2, с. 406]. Толстой прибегает к сильному аргументу, сравнивая своё возвращение с отказом от жизни: *«Возвратиться к тебе, когда ты в таком состоянии, значило бы для меня отказаться от жизни. А я не считаю себя в праве сделать это»* [2, с. 406]. Тем самым, Толстой выражает представления о себе как жертве, бессильной что-либо изменить, не способной повлиять на жену. Данные факты свидетельствуют о том, что Толстой не отказывается от использования эгоцентрической стратегии. Заканчивается письмо афористично: *«Жизнь не шутка, и бросать её по своей воле мы не имеем права, и мерять её по длине времени тоже неразумно. Может быть, те месяцы, какие нам осталось жить, важнее всех прожитых годов, и надо прожить её хорошо»* [2, с. 408]. Не используя формул прощания, подписывая письмо инициалами, Толстой дистанцируется, отстраняется от адресата.

ВЫВОДЫ

Таким образом, неофициальные письма содержат информацию об адресанте, адресате, действительности, воплощая её в фактуальном или эмоциональном ключе. Для эпистолярного идиостиля Толстого характерна выдержанная структурированность письма, выражающаяся в аргументативности, логичности и последовательности. В своих первых письмах Софье Андреевне Толстой рисуется, надевая на себя маски никем не понятого, одинокого, стареющего человека, использует тактики самоуничижения. Письма выражают представления об адресанте как о человеке чувственном, импульсивном, но вместе с тем осторожном. Восприятие адресата характеризуется нечёткостью. Софья Андреевна для него пока только юный, ничем не испорченный человек. Для писем характерны эгоцентричная, директивная, кооперирующая тактики. В целях их реализации Толстой формирует камерный символярный, помогающий ему концентрированно, чётко воплощать целеустановки, эффективно воздействуя на адресата. После свадьбы представления о жене получают более конкретное выражение: это любимая женщина, мать его детей, хозяйка, умный, утончённый человек, соответствующий ему по взглядам. Доминируют коммуникативные стратегии кооперации и скрытой директивности. В письмах последних лет Толстой воплощает знания о себе как о старике, как о жертве истеричной жены, не способной что-либо исправить, как о любящем муже, как о человеке, думающем о духовном. Представления об адресате идентифицируют Софью Андреевну как честную жену, мать, человека с расшатанными нервами, не владеющего собой и фокусирующегося на материальном. Открытая директивность писем, сохраняющих аргументативную композицию, отражает фокусирование на адресате. Таким образом, рассмотрение семантики и прагматики писем Толстого к жене в динамическом аспекте позволяет говорить конкретизации представлений об адресате, изменении характера (от скрытой к открытой) директивной и сохранении эгоцентрической стратегий.

Список литературы

1. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений.: в 90 т. Т. 83 Письма к С. А. Толстой, 1862–1886. – М.: РГБ, 2006. – 651 с.
2. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений.: в 90 т. Т. 84. Письма к С. А. Толстой, 1887–1910. – М.: РГБ, 2006. – 449 с.
3. Троценко Д. Н. Мемуары, дневники, личная переписка как основные источники для изучения повседневной жизни // Кубанские исторические чтения. – Краснодар: ФГБУ: «РЭА», 2010. – С. 140–141.
4. Усанова К. В. К вопросу об экспликации ценностной доминанты «адресат» в немецкоязычном дружеском эпистолярном жанре // Язык и мир изучаемого языка. 2015. – № 6. – С. 114–121.
5. Фесенко О. П. Эпистолярный жанр, стиль, дискурс // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 23. – С. 132–143.

References

1. Tolstoi L. N. *Polnoe sobranie sochinenii. Pis'ma k S. A. Tolstoj 1862–1886* [The complete works. Letters to S.A. Tolstoy 1862–1886]: v 90 t. T. 83. – M.: RGB, 2006. 651 p.
2. Tolstoi L. N. *Polnoe sobranie sochinenii. Pis'ma k S. A. Tolstoj 1887–1910* [The complete works. Letters to S.A. Tolstoy 1887–1910]: v 90 t. T. 84. – M.: RGB, 2006. 449 p.
3. Trotsenko D. N. *Memuari, dnevniki, lichnaya perepiska kak osnovnie istochniki dlya izuchenie povsednevnoi zhizni* // *Kubanskiye istoricheskiye chteniya*. Krasnodar: FGBU: «REA», 2010, pp. 140–141.
4. Usanova K. V. *K voprosu ob eksplikatsii tsennostnoi dominanti «adresat» v nemetskojazyichnom družeshkom epistoljarii* // *Yazik i mir izuchaemogo yazika*, 2015, no. 6, pp. 114–121.
5. Fesenko O. P. *Epistoljarii: zhanr, stil, diskurs* // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 23, pp. 132–143.

**«I AM WRITING TO YOU, DEAR SONYA»:
ON SOME PRAGMATIC FEATURES OF Leo TOLSTOY'S LETTERS TO HIS WIFE**

Tokarev G. V.

The article is devoted to the consideration of the communicative and pragmatic tactics used in the letters of L. N. Tolstoy to S. A. Tolstoy for 1862–1864 and 1909–1910, and the objectification of ideas about oneself and about the addressee in the evolutionary aspect. To achieve this goal, the methods of conceptual and pragmatic analysis of texts are used. Special attention is paid to the two first and last letters. It was revealed that the first letter of declaration of love has the form of reasoning, it has an explanatory and apologetic character. The letter reflects the influence of a sentimental narrative while maintaining an argumentative composition. In these and subsequent letters, directive, care, concern, open recognition of one's feelings, approval of the addressee's actions, negative assessment of third parties, inclusion of the strategy are used. In order to implement them, Tolstoy forms a chamber symbolarium, which helps him to implement goal-setting in a concentrated way. In the first letters, Tolstoy puts on masks of an misunderstood, lonely, aging man. Letters express ideas about the addressee as a sensual, impulsive, but at the same time cautious person. The recipient's perception is characterized by vagueness. Sofya Andreevna is still only a young, unspoiled person for him. After the wedding, the ideas about Sofia Andreevna are concretized. In the letters of recent years, Tolstoy embodies knowledge about himself as an old man, as a victim of a hysterical wife who is unable to fix anything, as a loving husband, as a person who thinks about the spiritual. The ideas about the addressee identify Sofya Andreevna as an honest wife, mother, a man with shattered nerves, who does not control himself and focuses on the material.

Keywords: everyday writing, communicative and pragmatic tactics, addressee, addressee, L. N. Tolstoy